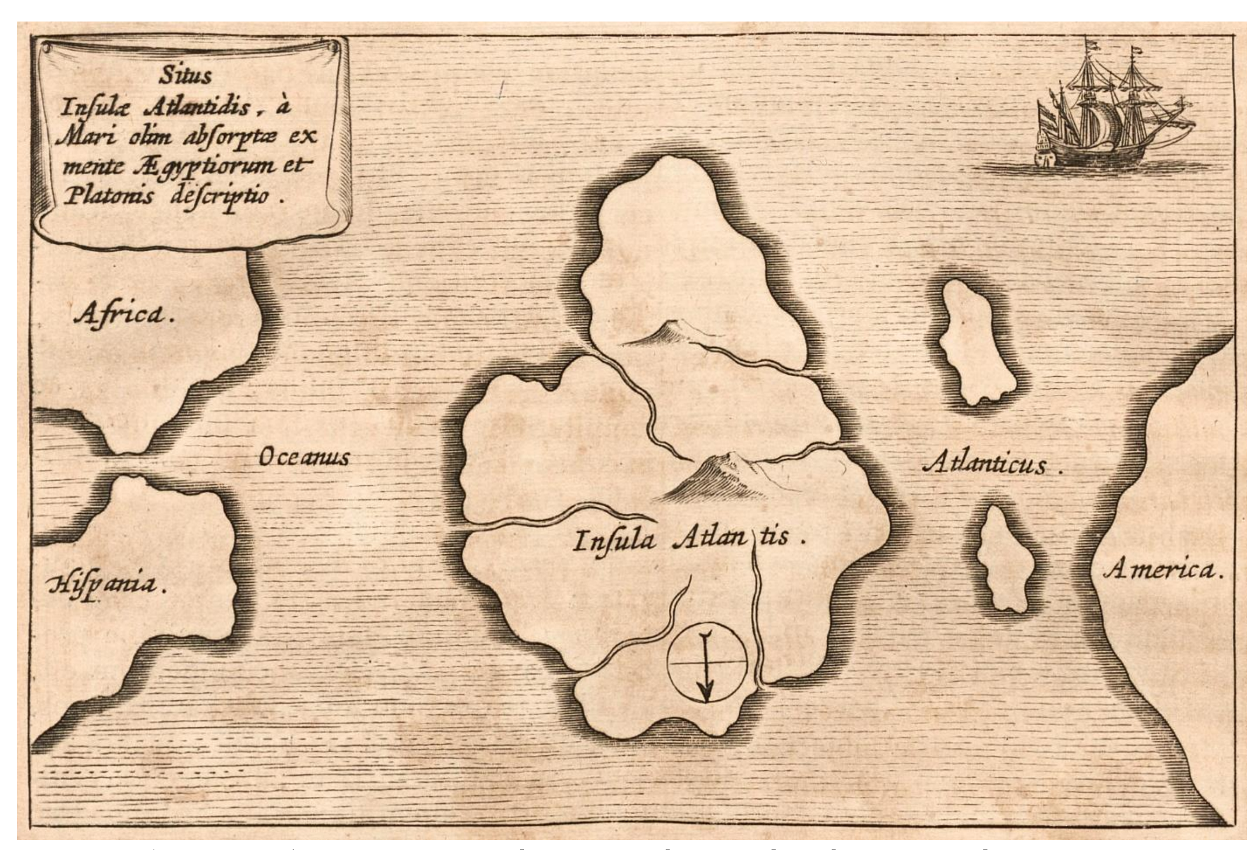
Юрий Алданов

Платон.
Тимей об Атлантиде.

По материалам книги «Атлантида. Исход.»

В мире нет ничего нового кроме истории, которой вы не знаете
Гарри Трумэн

Автор изображения: Афанасий Кирхер - Athanasius Kircher: Mundus subterraneus, vol. 1. Амстердам 1664 – [1], Общественное достояние, https://commons.wikimedia.org/w/index.php?curid=48709668

2023

Содержание

Предисловие

Платон — афинский философ классического периода Древней Греции, основатель платонической школы мысли и Академии, первого высшего учебного заведения в западном мире. Он жил и работал в середине первого тысячелетия до нашей эры. Точные даты его жизни неизвестны, но предположительно с 428/427 или 424/423 по 348/347 годы до н.э. Обществу, не искушенному в философии, он известен как первый и единственный человек (если не считать американского спящего пророка Эдгара Кейси, предоставившего огромный материал об этом государстве, полученный изотерическим методом, не признанным научным обществом), упомянувший и описавший «мифическую» Атлантиду, ее местоположение и гибель. Но, как ни странно, сам философ он ни разу не высказал идею о ее поиске.

Античный автор оставил после себя множество работ, в которых можно найти много интересной информации об истории и прошлом нашей цивилизации. В данной работе мы обратим свое внимание на вопрос существования Атлантиды и влияние, которое она оказала на появление нашей цивилизации. Информацию по этой теме Платон «зашифровал» в трех своих работах: «Государство», «Тимей» и «Критий».

Философия – это наука, ищущая истину при помощи логических умозаключений. Платон был выдающимся философом и потому сомневаться в том, что он мог где-то изменить принципам логических размышлений или быть непоследовательным в своих работах мы не можем. Однако эти три диалога – «Государство», «Тимей» и «Критий» – проявляют некую непоследовательность: диалог об идеальном государстве в десяти книгах, легенда об Атлантиде, рассуждения о космосе, Демиурге, элементах, о человеческом теле и в конце – возвращение к легенде об Атлантиде, причем оборванной на полуслове… Но все не так просто как кажется при поверхностном чтении его работ. На самом деле все три работы подчинены одной теме – повествованию об Атлантиде и ее делах. Об этом мы сейчас и поговорим. В данном контексте нас интересует диалог «Тимей», который и является основным описанием великих проектов Атлантиды.

Театр Платона и его действующие лица

Прежде всего нам следует прояснить сущность диалогов – они являются всего лишь пьесой. Платон указывает на это словами Крития:

> «*Ведь если я верно припомню и перескажу то, что было поведано жрецами и привезено сюда Солоном, я почти буду уверен, что наш театр сочтет меня сносно выполнившим свою задачу*» [Критий. 108d][1].

Следовательно, персонажи диалогов выдуманы, но с учетом реально существовавших исторических личностей для придания их репликам определенного смысла. В диалоге «Тимей» участвуют четыре персонажа: Сократ, Тимей, Критий и Гермократ. Прежде чем перейти к повествованию об Атлантиде, трем из них Платон дает краткую характеристику:

[1] Все последующие цитаты из произведения Платона «Критий» взяты из книги «Платон. Собрание сочинений в 4-х томах. Том 3.» «Критий». Перевод С. Аверинцева. Москва: Мысль, 1994.

«*Вот перед нами Тимей: будучи гражданином государства со столь прекрасными законами, как Локры Италийские, и не уступая никому из тамошних урожденцев по богатству и родовитости, он достиг высших должностей и почестей, какие только может предложить ему город, но в то же время поднялся, как мне кажется, и на самую вершину философии. Что касается Крития, то уж о нем-то все в Афинах знают, что он не невежда ни водном из обсуждаемых нами предметов. Наконец, Гермократ, по множеству достоверных свидетельств, подготовлен ко всем этим рассуждениям и природой, и выучкой*» [Тимей. 20a-b].

Реальный Критий являлся государственным деятелем Древних Афин, принадлежал к высшей афинской аристократии и, что еще более важно, входил в тридцатку афинских тиранов, правивших Афинами в 404-403 годах до н.э. Критий принадлежал к высшей афинской аристократии и, как типичный представитель своего сословия, был сторонником олигархического строя — сначала умеренным, а в конце жизни радикальным. Как мы знаем, тирания прочно связана с ложью, эксплуатацией, насилием, ограничением гражданских свобод, жестокой цензурой и искажением истории в пользу правящей власти. Как представитель власти он, без всякого сомнения, должен был владеть знанием истории, недоступной простому смертному, а потому хорошо ориентироваться в вопросах, поднятых в диалоге «Тимей»: «*он не невежда ни водном из обсуждаемых нами предметов*».

Гермократ – выходец из аристократической сиракузской семьи – славился своим ораторством, патриотизмом, и был искусным стратегом. Кроме того, он призывал сицилийские города положить конец междоусобицам и объединиться в союз против Афин. Последнее обстоятельство делает Гермократа противником Крития. Платон предоставил Гермократу всего одну реплику в диалоге, в которой он высказывает сомнение по поводу правдивости истории Крития и потому просит Сократа подтвердить ее:

«*Критий тогда еще сообщил нам одно сказание, слышанное им в давнее время. Расскажи-ка его теперь и Сократу, чтобы он помог нам решить, соответствует ли оно возложенной на нас задаче или не соответствует*» [Тимей. 20d].

Таким образом, мы подходим к идее, что история Атлантиды, рассказанная Критием, является *преднамеренно* искаженной версией. На это Платон указывает в разных местах своего произведения.

Древнегреческий философ-пифагореец Тимей родился примерно в 400 году до н.э. Его иногда называют Тимей Локрийский или Тимей из Локр. Имя указывает на его происхождение из города Локры в итальянской провинции Калабрия. В своё время Тимей занимал в Локрах высшие почётные должности. Стоит отметить, что законы в Локрах в те времена устанавливали философы, а не олигархи, как в Афинах. Данный персонаж отражает мнение самого Платона по поводу того, кто и как должен устанавливать законы в государстве. Поэтому персонаж Тимей в работе Платона олицетворяет честность и справедливость.

Сократ также является древнегреческим философом, жившим во времена Платона (примерно 469-399 гг. до н.э.). В Древних Афинах отношение к Сократу было двойственным. Для одних он был олицетворением великого мудреца, для других — нечистым на руку шарлатаном, который совращает молодёжь и не почитает богов. Он был известен не только своими учениями, но и как разрушитель общественных Афинских

устоев из-за чего он был приговорен к смертной казни. Вероятно, из-за его взглядов Платон определил его персонажу «создание» справедливого социального государства в диалоге «Государство», законы и устои которого противоречат устоям и законам олигархических Афин.

Три об одном

Следующий вопрос, который нам следует прояснить это то, что все три диалога являются единым целым и преследуют одну цель – рассказ о делах Атлантиды.

Во-первых, Платон привязывает диалог «Государство» к диалогу «Тимей» репликой Сократа:

> «*Тогда послушайте, какое чувство вызывает у меня наш набросок государственного устройства. Это чувство похоже на то, что испытываешь, увидев каких-нибудь благородных, красивых зверей, изображенных на картине, а то и живых, но неподвижных: непременно захочется поглядеть, каковы они в движении и* ***как они при борьбе выявляют те силы, о которых позволяет догадываться склад их тел****. В точности то же самое испытываю я относительно изображенного нами государства:* ***мне было бы приятно послушать описание того, как это государство ведет себя*** *в борьбе с другими государствами, как оно достойным его образом вступает в войну,* ***как в ходе войны его граждане совершают то, что им подобает****, сообразно своему обучению и воспитанию, будь то на поле брани или в переговорах с каждым из других государств*» [Тимей. 19b-c].

Несколько фраз в этой цитате заслуживают особого внимания. Платон сравнивает описанное, но не существующее на Земле, государство с нарисованными зверями. При этом он предлагает выяснить «*как они при борьбе выявляют те силы, о которых позволяет догадываться склад их тел*». Говоря о том, как сложены их тела, Платон подразумевает государственное устройство. Однако, если ранее описанное государство является всего лишь выдумкой, то как можно предсказать его поведение? Решение в критических ситуациях принимается одним или несколькими людьми в зависимости от текущих условий и их личностных качеств. Однако Платон говорит об поведении этого государства, как о чем-то уже случившимся: «*мне было бы приятно послушать описание того, как это государство ведет себя в борьбе с другими государствами*». Поэтому мы делаем вывод, что дальнейшее повествование в «Тимее» содержит некие фактически произошедшие события.

Вторая фраза: «*как в ходе войны его граждане совершают то, что им подобает*» – обращает наше внимание на поведение граждан в трудные для их государства времена. Здесь имеется ввиду, что правильно воспитанные граждане должны вставать на защиту своих земель наряду с профессиональными воинами. В данной фразе устанавливается факт превращения гражданских слоев населения в сражающихся защитников. Войну, как и любые сражения с противником, в литературе принято символизировать образом огня. Эту аллегорию нам следует запомнить – Тимей достаточно часто обращается к этому образу, называя его «родом» или «телом».

Таким образом, диалог «Тимей» повествует о великих и чудесных деяниях идеального государства и является продолжением диалога «Государство».

***

«Критий» является продолжением диалога «Тимей». Считается, что этот диалог дошёл до наших времён незавершённым, поскольку его повествование обрывается на полуслове. Однако это не так и вот почему.

В «Тимее» Платон негласно определил кто будет воздавать хвалу мужам идеального государства:

> «*мне ясно, что сам я не справлюсь с задачей прочесть подобающее похвальное слово мужам и государству. <...> (Поэтам и софистам – авт.) не под силу те дела и слова, которые свершили и сказали бы в обстоятельствах войны, сражений или переговоров как философы, так и государственные люди. Итак, **остается только род людей** вашего склада, по природе и по воспитанию **равно причастный философским и государственным занятиям***» [Тимей.19d-e].

То есть о практических делах государства, описанного Сократом, будут рассказывать олигарх и государственный деятель Критий и философ и также государственный деятель Тимей. Оба персонажа произносят длинные монологи, хотя основной объем повествования принадлежит Тимею. Но вот что удивительно, Тимей в своем монологе ни словом не обмолвился ни о государстве, ни его мужах и ни об их делах, но вместо этого весь свой монолог посвятил Демиургу, рождению космоса и четырем родам. Что это могло бы значить? Платон сбился в своем повествовании или потерял логическую нить? Ни одно и ни другое. Монолог Тимея написан особым образом, к которому Платон был вынужден прибегнуть. Но речь сейчас идет о незаконченной истории Крития об Атлантиде.

Итак, первым начал Критий, изложивший всем известный рассказ об этом «мифическом» государстве. В самом начале своего монолога античный олигарх сделал два совершенно недвусмысленных заявления:

> «*Критий. Послушай же, Сократ, **сказание хоть и весьма странное**, но, безусловно, правдивое, как засвидетельствовал некогда Солон, мудрейший из семи мудрецов*» [Тимей. 20d-e].

Платон словами Крития указывает, что его истории не стоит доверять. А если учесть то, что представитель правящей олигархии не является невеждой «*ни водном из обсуждаемых нами предметов*», то его версия Атлантиды является просто выдумкой. Во втором заявлении Критий указывает на незаконченность работы Солона:

> «*И вот один из членов фратрии, то ли впрямь по убеждению, то ли думая сделать приятное Критию [это родной дед нашего Крития – авт.], заявил, что считает Солона не только мудрейшим во всех о прочих отношениях, но и в поэтическом своем творчестве благороднейшим из поэтов. А старик – помню это, как сейчас, – очень обрадовался и сказал, улыбнувшись: "Если бы, Аминандр, он занимался поэзией не урывками, но всерьез, как другие, и **если бы он довел до конца сказание**, привезенное им сюда из Египта, **а не был вынужден забросить его из-за смут и прочих бед**, которые встретили его по возвращении на родину, я полагаю, что тогда ни Гесиод, ни Гомер, ни какой-либо иной поэт не мог бы превзойти его славой"*» [Тимей. 21b-d].

Оказывается, история Атлантиды, пересказанная дедом Критием своему внуку Критию, была написана Солоном, но не была им окончена! И здесь мы должны подчеркнуть одно

интересное обстоятельство. Если бы Солон действительно в дружественной беседе рассказывал историю Атлантиды, привезенную из Египта, древнему родственнику Крития, то он должен был бы ее рассказать полностью, хотя при этом и не успев изложить ее на бумаге. И, в таком случае, Критий должен был бы пересказать ее в диалогах до ее логического окончания. Но его повествование обрывается, как обрывается история Солона. Такая синхронность говорит о том, что никто никому ничего не рассказывал, а Критий просто прочитал незаконченную историю Солона в неких архивах. Таким образом, «потерянная» часть диалога «Критий» не утеряна, ее просто никогда не существовало. Платон этим приемом хотел указать читателю, что история Крития об Атлантиде правдивая только в некоторых деталях, а в целом это выдумка. Однако, если мы поменяем местами названия Афины и Атлантида в его легенде, то найдем некоторые совпадения устройства атлантического государства с положениями идеального государства, затронутыми в диалоге «Государство».

Но есть еще один факт, полностью разрушающий историю Крития. Критий утверждает в своем повествовании, что античное государство Афины встало на защиту порабощенных Атлантидой народов и вступило с ней в войну. При этом часть афинского войска, находившегося на территории атлантического островного государства, погибло, затонув вместе с Атлантидой. Между тем, Платон утверждает, что государство Атлантида погибло в результате большого тектонического катаклизма примерно в 10–9-ом тысячелетии до нашей эры. Однако земли будущих Афин были заселены лишь в конце 4-го тысячелетия, а полноценным государством они стали только в середине 2-го тысячелетия до нашей эры. Таким образом, гибель Атлантиды и появление Афин разделяют почти 8 тысяч лет. Поэтому армия греков никак не могла противостоять Атлантиде, поскольку последней к моменту возникновения Афин уже не существовало.

К тому же, поставив историю Солона в один ряд с работами Гомера и Гесиода, Платон намекает, что история Солона такая же выдуманная, как и работы этих авторов. В «Государстве» Платон довольно жестко раскритиковал этих авторов и их лживые мифы:

> «*Адеймант. Согласен, но я не понимаю, о каких более значительных мифах ты говоришь?*
>
> *Сократ. О тех, которые рассказывали Гесиод, Гомер и остальные поэты. Составив для людей лживые сказания, они стали им их рассказывать, да и до сих пор рассказывают.*
>
> *Адеймант. Какие же? И что ты им ставишь в упрек?*
>
> *Сократ. То, за что прежде всего и главным образом следует упрекнуть, в особенности если чей-либо вымысел неудачен.*
>
> *Адеймант. Как это?*
>
> *Сократ.* ***Когда кто-нибудь, говоря о богах и героях, отрицательно изобразит их свойства****, это вроде того, как если бы художник нарисовал нисколько непохожими тех, чье подобие он хотел изобразить*» [Государство. Книга II. 377c-e].

Платон нисколько не отступает от правил философского поиска истины, придерживаясь логических умозаключений и по определенным причинам прибегая к иносказательности. В «Государстве» он устанавливает исходные постулаты будущего повествования: описания принципов построения идеального государства, определения ***метафорических*** геометрии,

астрономии и чисел, которые он использует в диалоге «Тимей» для описания принципов построения благого общества и справедливых взаимоотношений в нем. Таким образом, мы находим, что все три диалога преследуют одну цель – донести правду об Атлантиде.

Код Тимея

Хотя Сократ и предоставил возможность двум рассказчикам с разными политическими взглядами повествовать об Атлантиде и ее великих и удивительных делах, этой возможностью, на первый взгляд, воспользовался только Критий. Тимей же посвятил свой монолог совсем иной теме, теме создания высшей силой – демиургом – всего материального мира, четырех стихий, бытия, человека и еще чего-то непонятного. При этом, начиная свой монолог, он произносит загадочную фразу:

> «*Конечно, **творца и родителя этой Вселенной нелегко отыскать**, а если мы его и найдем, **о нем нельзя будет всем рассказывать***» [Тимей. 28c].

Что это значит? В своем монологе Тимей открытым текстом говорит, что это демиург построил, упорядочил и сконструировал весь наш мир и Вселенную. Демиург – это Бог. Бог создал все – это известно всем и об этом говорят все религии мира. Тогда о ком нельзя всем рассказывать?

Платон неспроста предоставил вначале слово персонажу, представляющему олигархов и тиранов древних Афин. Критий рассказал миф, восхваляющий Древние Афины и очерняющий Атлантиду, то есть Атлантида и есть камень преткновения, о котором олигархи и тираны скрывают правду. Этот прием используется средствами массовой информации и по сегодняшний день.

Интересен еще один факт: имя Атлантиды в диалогах позволено произносить лишь Критию, все остальные называют ее «богиня», «наш город» или «граждане», тем самым подтверждая догадку, что Афинскими властями был наложен запрет на информацию об Атлантиде:

> «*Критий. <...> **нашим городом** в древности были свершены великие и достойные удивления дела, которые были потом забыты по причине бега времени и гибели людей; величайшее из них то, которое сейчас нам будет кстати припомнить <...>*
>
> *Сократ. Прекрасно. Однако, что же это за подвиг, о котором Критий со слов Солона рассказывал, **как о замалчиваемом**, но действительно совершенном **нашим городом**?*» [Тимей. 20e-21a].

Это подтверждается и тем, что даже сегодня в, казалось бы, свободном мире мы ни на шаг не продвинулись в разгадке Атлантиды. Не существует ни одного материального артефакта или документа, принадлежащих этому древнему государству, или мы ошибочно относим их к другим народам и эпохам. Все, что мы знаем это то, что она существовала и примерно в 10,000 году до нашей эры погибла в результате некоего тектонического катаклизма. Создается впечатление, что либо Атлантида является выдумкой Платона, либо информация о ней тщательно подчищена.

Здесь возникает довольно резонный вопрос: почему афинская олигархия боялась знаний об Атлантиде? Ответ лежит на поверхности – в первой части диалогов «Государство». Идеальное государство, описанное Платоном, – это государство, построенное на принципах коллективизма и в нем нет места частной собственности и

олигархии, оно управляется народом, все средства производства и земли находятся в общественном владении и правительство выражает интересы трудового народа, а не кучки богачей. На этих принципах и была построена Атлантида. Таким образом, диалог «Государство» целиком посвящен Атлантиде и описывает ее государственные устои. Это знание в купе со скрываемым подвигом, совершенным народом Атлантиды, могло подорвать влияние олигархической власти, вплоть до ее свержения.

Тимей называет создателя всего сущего демиургом. Слово «демиург» («мастер, ремесленник, создатель») имеет древнегреческое происхождение и образовано от двух греческих понятий – «земля, народ» и «дело, труд, работа». Обобщенный семантический смысл этих понятий может быть выражен также словосочетанием «трудовой народ», что вовсе не противоречит первому варианту. При этом никакого религиозного смысла это слово не передает, но органично вписывается в концепцию коллективистской Атлантиды.

Из всего вышесказанного видно, что Платону есть что скрывать от цензурных органов его времени, да и цензуры будущих времен тоже. Поэтому ему и пришлось монолог Тимея писать, используя аллегории, метафоры и образы:

> «*Но в каждом рассуждении важно избрать сообразное с природой начало. Поэтому относительно* ***изображения и первообраза*** *надо принять вот какое различение:* ***слово о каждом из них сродни тому предмету, который оно изъясняет****. О непреложном, устойчивом и мыслимом предмете и слово должно быть непреложным и устойчивым; в той мере, в какой оно может обладать неопровержимостью и бесспорностью, ни одно из этих свойств не может отсутствовать. Но о том, что лишь воспроизводит первообраз и являет собой лишь подобие настоящего образа, и говорить можно не более как правдоподобно*» [Тимей. 29b-c].

Аллегории и метафоры Платон называет «изображением», а предметы и действия, которые они скрывают – «первообразом».

> «*Было бы не слишком сложным делом перебрать таким образом все прочие примеры этого рода, продолжая следовать идее правдоподобного сказания. Тот, кто отдыха ради отложит на время беседу о непреходящих вещах ради этого безобидного удовольствия – рассматривать по законам правдоподобия происхождение (цивилизации – авт.), обретет в этом скромную и разумную забаву на всю жизнь. Поскольку же мы сейчас предаемся именно такой забаве, остановимся по порядку еще на нескольких вероятностях*» [Тимей. 59c-d].

Следуя своей системе, перед началом монолога Тимея, Платон дает метафорическое определение двум противоположным подходам к построению общества:

> «*Представляется мне, что* ***для начала до́лжно разграничить вот какие две вещи****: что́ есть вечное, не имеющее возникновения бытие и что́ есть вечно возникающее, но никогда не сущее. То, что постигается с помощью* ***размышления и рассуждения****, очевидно, и есть вечно тождественное бытие; а* ***то, что подвластно мнению и неразумному ощущению****, возникает и гибнет, но никогда не существует на самом деле. Однако все возникающее должно иметь какую-то причину для своего возникновения, ибо возникнуть без причины совершенно невозможно. Далее, если демиург любой вещи взирает на неизменно сущее и берет*

его в качестве первообраза при создании идеи и свойств данной вещи, все необходимо выйдет прекрасным; если же он взирает на нечто возникшее и пользуется им как первообразом, произведение его выйдет дурным» [Тимей. 27d-28b].

В основе нашей цивилизации лежит сельское хозяйство и производительный труд. Оба эти субъекта требуют слаженной и организованной трудовой деятельности. Независимо от того какая в обществе установлена система социальных отношений, существование цивилизации полностью зависит от коллективного труда. При этом система социальных отношений может изменяться – олигархическая на демократическую, демократическая на анархическую, анархическая на тираническую и т.д. (Об этом говорил и Платон в «Государстве».) Все эти отношения привязаны к богатству, за исключением коллективизма. Коллективизм требует от индивидуума производить оценку своих поступков, ставя на первое место заботу о ближнем, интересы и благо общества. Этот душевный и моральный труд требует от него «*размышления и рассуждения*».

Противоположная коллективизму система социальных ценностей ориентирована на накопление богатства и стремление к власти. Этой частью общества руководит ненасытные жадность, эгоизм и стремление к первоочередному удовлетворению своих личных потребностей, то есть «*то, что подвластно мнению и неразумному ощущению*». Эти качества свойственны *неразумному* миру животных, коим частично являлся наш предок, доисторический охотник-собиратель.

Согласно Платону, цивилизованный человек отличается от дикого тем, что способен контролировать свои эмоции, мыслить рационально и принимать обдуманные решения, даже если они противоречат его убеждению (вере, взглядам на жизнь, чувствам). При этом первый понимает какая из сторон есть добро, а какая – зло. Второй просто следует своим ощущениям:

«*Так, ум рождается в нас от наставления, а истинное мнение – от убеждения; первый всегда способен отдать себе во всем правильный отчет, второе – безотчетно; первый не может быть сдвинут с места убеждением, второе подвластно переубеждению; наконец, истинное мнение, как приходится признать, дано любому человеку, ум же есть достояние богов и лишь малой горстки людей*» [Timaeus. 51e].

Таким образом, в контексте цивилизации, коллективизм остается вечно существующим бытием, а частное собственничество – вечно возникающим, но не вечным. Платон утверждает, что если демиург, строитель и создатель общества, обратиться к принципам коллективизма, то его творение «*выйдет прекрасным*», в противном случае, «*произведение его выйдет дурным*».

Откуда же Платон подчерпнул все эти знания? Вот что он сам говорит по этому поводу:

«*Здесь остается только довериться тем, кто говорил об этом прежде нас; раз говорившие сами были, по их словам, потомками богов, они должны были отлично знать своих прародителей. Детям богов отказать в доверии никак нельзя, даже если говорят они без правдоподобных и убедительных доказательств, ибо, если они*

выдают свой рассказ за семейное предание, приходится им верить, чтобы не ослушаться закона» [Тимей. 40d-e].

Стоит отметить один интересный факт, который стал известен науке лишь недавно благодаря многочисленным трудам археологов и палеонтологов. На сегодняшний день известно пять регионов на Земле, где примерно 12,000 лет тому назад появилось земледелие и скотоводство: Восточная Азия (Китай), Западная Азия (регион Плодородного полумесяца и Северная Африка), Индия, Центральная Америка, Южная Америка (Анды). Платон также упоминает о пяти мирах, но убеждает читателя, что он один:

«*Если бы теперь кто-нибудь, тщательно обдумывая все сказанное, задался вопросом, следует ли допустить бесчисленные космосы или ограниченное их число, ему пришлось бы заключить, что вывод относительно неограниченности этого числа позволительно делать разве что тому, кто сам очень ограничен, и притом* ***в вопросах, которые следовало бы знать****. Если, однако, поставить иной вопрос –* ***существует ли один космос или их на самом деле пять****, то здесь, естественно, причин для затруднения было бы куда больше. Что касается нас, то мы, согласно правдоподобным словам и указаниям бога, утверждаем, что существует один космос; но другой, взглянув на вещи иначе, составит себе, пожалуй, иное мнение. Как бы то ни было, оставим этот вопрос и* ***начнем разделять роды, только что рожденные в нашем слове, на огонь, землю, воду и воздух***» [Тимей. 55c-d].

Так что же скрывает за собой аллегорический космос?

Аллегории

Как мы уже отмечали, Платон в силу обстоятельств был вынужден прибегнуть к иносказательным приемам изложения информации:

«*Рассказ мой будет непривычен, но, раз вы сроднились с теми путями научения, без которых не обойтись моим речам, вы последуете за мной*» [Тимей. 53c].

Поэтому мы можем приступить к «дешифровке» его словесных изображений. Набор основных аллегорических понятий не велик: космос, Вселенная, небо, огонь, земля, вода и воздух или ветер, душа, движение, цифры и фигуры.

Космос, Вселенная и небо.

«*А как же всеобъемлющее небо? Назовем ли мы его космосом или иным именем (человечеством – авт.), которое окажется для него самым подходящим <...>?*» [Тимей. 28b]

Эти три понятия Платон использует для изображениями цивилизованного общества, основанного на производительном труде и организованного по общим для всех законам. Поскольку речь идет о рождении человечества, то стоит пояснить, что доисторические охотники-собиратели не образовывали и не представляли собой никакого осмысленного общества – они не были организованы и не занимались коллективным производительным трудом (если не считать производства каменного оружия для охоты и, в некоторых случаях,

жилищ). Эта масса людей, ставшая началом человечества, не имела понятия ни о каких законах, социальных отношениях или их формах:

> «*Начало, которому предстояло вобрать в себя все роды вещей,* ***само должно было быть лишено каких-либо форм*** *(ειδων), как при выделывании благовонных притираний <…>* ***жидкость****, в которой должны растворяться благовония, по возможности не имела своего запаха. <…>, как* ***при вычерчивании фигур*** *на каких-либо мягких поверхностях не допускают, чтобы на них уже заранее виднелась та или иная фигура <…>.*
>
> *Подобно этому и начало, назначение которого состоит в том, чтобы во всем своем объеме хорошо воспринимать отпечатки всех вечно сущих вещей,* ***само должно быть по природе своей чуждо каким бы то ни было формам****. <…> Напротив, обозначив его как незримый, бесформенный (αμορφον) и всевосприемлющий вид (ειδος), чрезвычайно странным путем участвующий в мыслимом и* ***до крайности неуловимый****, мы не очень ошибемся*» [Тимей. 50e-51b].

Платон характеризует дикарей до крайности неуловимыми, что вполне соответствует их малой численности и образу жизни. Ради выживания им приходилось прятаться от пещерных и саблезубых хищников, от представителей собственного вида, не брезговавших насилием и каннибализмом, устраивать засады во время охоты и т.д.

Человечество, как разумная цивилизация, родилось, когда кочующие доисторические дикари прекратили выживать за счет охоты и собирательства и *были организованы* в оседлые общины, **самостоятельно выращивающие себе еду**, то есть *были научены* сельскому хозяйству:

> «*[Тело космоса] было искусно устроено так,* ***чтобы получать пищу от своего собственного тления, осуществляя все свои действия и состояния в себе самом и само через себя****. Ибо построявший его нашел, что пребывать самодовлеющим много лучше, нежели нуждаться в чем-либо*» [Тимей. 33c-d].

Это изменение в жизнь дикарей было внесено демиургом, то есть представителями трудового народа Атлантиды:

> «*Рассмотрим же, по какой причине* ***устроил возникновение и эту Вселенную тот, кто их устроил****. Он был благ, а тот, кто благ, никогда и* ***ни в каком деле не испытывает зависти****. Будучи чужд зависти, он пожелал, чтобы все вещи стали как можно более подобны ему самому. <…> Итак, пожелавши, чтобы все было хорошо и чтобы ничто по возможности не было дурно, бог позаботился обо всех видимых вещах, которые пребывали не в покое, но* ***в нестройном и беспорядочном движении; он привел их из беспорядка в порядок****, полагая, что второе, безусловно, лучше первого*» [Тимей. 29d-30a].

Нестройным и беспорядочным движением Платон описал беспорядочную кочевую жизнь охотников-собирателей. Движение – это активность. Изменению повседневной активности дикарей в связи с изменением их образа жизни Платон также уделил внимание (Тимей. 33c-34a).

Общество Атлантиды было построено на принципах коллективизма, а потому в нем никто «*никогда и ни в каком деле не*» испытывал «*зависти*», то есть никто не стремился к личной выгоде, а все трудились на благо общества. Согласно трактатов Гермеса

(«Герметический корпус»), благим может быть только коллектив, а не индивидуум. Поэтому человеческую Вселенную создал некий благой коллектив представителей (демиург) Атлантиды.

Почему же Платон связал Вселенную и космос с образом новорожденного человечества? Во-первых, это связано с чернотой космоса и светом звезд, никогда не меняющих своих мест. Чернота символизирует темные времена – период доисторического дикарства, в котором находилась разумная жизнь до рождения человечества, и дикую природу. Очаги этой разумной жизни устраивались в пещерах и там же разжигали свои костры, когда овладели огнем. В ночной темноте их не было видно. С рождением сельского хозяйства люди стали образовывать оседлые поселения и теперь их костры горели на одних и тех же открытых местах, вблизи засеянных полей и пастбищ со скотом. Эти костры теперь были видны в ночи, как звезды. Этих огней со временем становилось все больше и больше – люди множились.

Во-вторых, движение объектов – звезд, планет и прочих камней – в космическом пространстве подчинено строгим, вечным физическим законам. Это вторая характеристика рожденного общества – подчинение единым общественным законам, которых у дикарей до этого не было. Они получили их от Атлантов. Эти законы организовали дикарей, стали управлять их жизнью и давать Свет жизни человечеству, как звезда Солнце дает свет жизни всему живому на планете Земля.

В-третьих, непреложные законы Вселенной заставляют планеты и звезды совершать круговые вращения как вокруг своей оси, так и вокруг друг друга. Это движение символизирует как циклическую (повторяющуюся) активность сельскохозяйственного труда, так и активности в других областях новорожденного человечества.

Четыре рода: земля, огонь, вода и воздух

Таким образом, человечество было рождено из незнакомых ни с какими социальными формациями разумных существ. При этом труд, обмен продуктами и инструментами, совместное проживание и борьба с хищниками, с представителями своего вида, вторгшимися на занятую территорию, охота и прочая активность с применением каменного колюще-режущего оружия были их повседневной активностью. Но все это происходило на уровне разумения доисторического человека:

> «*Ранее в них не было ни разума, ни меры: хотя* ***огонь и вода, земля и воздух являли кое-какие приметы присущей им своеобычности****, однако они пребывали всецело в таком состоянии, в котором свойственно находиться всему, чего еще не коснулся бог*» [Тимей. 53b].

Демиург Атлантиды собрал этих разрозненных дикарей и организовал их в общины:

> «*Поэтому последний (бог – авт.), приступая к построению космоса (человечества – авт.), начал с того, что упорядочил эти четыре рода с помощью образов и чисел*» [Тимей. 53b].

Стоит пояснить, что четыре упомянутых рода – земля, огонь, вода и воздух – являются аллегорическим «изображением» четырех общественных групп, классифицируемых по роду деятельности: земля – землепашцы и скотоводы, огонь – защитники или воины, вода – ремесленники и воздух – люди, занимающиеся обменом. Все эти четыре рода

деятельности были присущи *своеобычным* образом и охотникам-собирателям. Когда дикари были организованы в оседлые общины, эти четыре рода получили новый формат. Интересно, что Платон сделал упор на трех главных родах – на земле, воде и огне – еще в самом начале диалога:

> «*Сократ. Не правда ли, мы начали с того, что отделили искусство* ***землепашцев*** *(земля – авт.) и* **прочие ремесла** *(вода – авт.) от сословия, предназначенного* ***защищать*** *государство на войне (огонь – авт.)?*» [Тимей. 17c]

Причем землю и огонь (собирателей и охотников) Платон назначает началом цивилизации:

> «*Итак, телесным, а потому видимым и осязаемым – вот каким надлежало быть тому, что рождалось (человечеству – авт.). Однако видимым ничто не может стать без участия огня (без дикарей – авт.), а осязаемым – без чего-то твердого (коллектива – авт.), твердым же ничто не может стать без земли (сельского хозяйства – авт.). По этой причине бог, приступая к составлению тела Вселенной,* ***сотворил его из огня и земли***» [Тимей. 31b].

Платон использовал образ огня для обозначения двух первообразов: огонь символизирует как охотников, так и защитников. Земля в данном контексте символизирует одновременно собирателей и сельское хозяйство. Хотя позже наделяется первообразом фермеров и скотоводов. Земля, то есть сельское хозяйство, требует оседлого образа жизни и коллективного труда. Оседлые и организованные общины описаны Платоном как видимые и «твердые» образования. Стоит заметить, что с ходом повествования, огонь становится образом не только воинов, но и представителей государственных органов, поскольку они должны защищать как народ, так и закон.

Геометрия. Треугольники и пирамида.

Переходя к описанию рождения четырех родов, Платон переключается на геометрию. Он начинает манипулировать треугольниками, составляя из них различные фигуры. Здесь мы находим интересное соответствие: Платон сообщает о четырех родах общества, из которых три – основные. Учитывая, что с рождением человечества на Земле появились организованные оседлые общины, которые, как полагается любым организованным обществам (и даже построенным на принципах коллективизма), проявляли иерархическую структуру. Иерархию можно представить в виде пирамиды, то есть в простейшей организации – треугольником. Но треугольник можно использовать не только для обозначения иерархии, но и для обозначения взаимоотношения ее сторон и частей:

> «*между множеством треугольников есть один, прекраснейший, ради которого мы оставим все прочие, а именно тот, который в соединении с подобным ему образует третий треугольник – равносторонний*» [Тимей. 54a].

Равносторонний треугольник – это самый прекрасный образец полного равноправия в обществе. Из четырех таких треугольников Платон строит первую объемную фигуру – четырехгранную пирамиду, делящую некую сферу (человеческий космос) на равные части (Тимей. 55a). Остальные объемные фигуры усложняются с увеличением количества используемых треугольников, но продолжают делить сферу «на равные и подобные части» [Тимей. 55a]. То есть идея равноправия, являющегося основой коллективизма, привнесена при рождении человечества представителями Атлантиды:

«*При этом, если бы телу Вселенной надлежало стать простой плоскостью без глубины, было бы достаточно одного среднего члена для сопряжения его самогó с крайними. Однако оно должно было стать трехмерным, а трехмерные предметы никогда не сопрягаются через один средний член, но всегда через два.* ***Поэтому бог поместил между огнем и землей воду и воздух, после чего установил между ними возможно более точные соотношения, дабы воздух относился к воде, как огонь к воздуху, и вода относилась к земле, как воздух к воде.*** *Так он сопряг их, построя из них небо, видимое и осязаемое.* ***На таких основаниях и из таких составных частей числом четыре родилось тело космоса, упорядоченное благодаря пропорции, и благодаря этому в нем возникла дружба****, так что разрушить его самотождественность не может никто, кроме лишь того, кто сам его сплотил*» [Тимей. 32а-с].

Четыре рода – это начальные минимально необходимые элементы для рождения и существования человечества. По своим характеристикам они разнятся. Например, землепашцы и скотоводы почти не меняют своих мест, ремесленники концентрируются в городах, но не привязаны к ним и могут менять место жительства, «перетекая» из одного селения в другое, большей подвижностью обладают и торговцы (или менялы), воины и государственные служащие являются самой подвижной, вооруженной, но и самой малочисленной группой общества. Для пояснения сути этих родов Платон пользуется сравнением их характеристик:

«*…но и образующийся из сложения двух равнобедренных треугольников* ***квадрат с необходимостью более устойчив****, нежели равносторонний треугольник, причем соотношение это сохраняет силу как для частей, так и для целого. Значит,* ***мы не нарушим правдоподобия, если назначим этот удел земле****, а равно и в том случае, если наименее подвижный из остальных видов отведем воде, наиболее подвижный – огню, а средний – воздуху; далее, наименьшее тело – огню, наибольшее – воде, а среднее – воздуху, и, наконец, самое остроугольное тело – огню, следующее за ним – воздуху, а третье – воде. Но из всех вышеназванных тел наиболее подвижно по природе своей и по необходимости то, у которого наименьшее число оснований, ибо оно со всех сторон имеет наиболее режущие грани и колющие углы, а к тому же оно и самое легкое, коль скоро в его состав входит наименьшее число исходных частей. То тело, которое обладает такими же свойствами, но второго порядка, и место займет второе, а то, которое обладает третьим порядком этих свойств, – третье.* ***Пусть же объемный образ пирамиды и будет, в согласии со справедливым рассуждением и с правдоподобием, первоначалом и семенем огня;*** *второе порождению тело мы назовем воздухом, третье же – водой*» [Тимей. 56a-b].

Платон упомянул здесь объемную пирамиду, но перед этим назначил земле квадрат, как самому устойчивому основанию. Может показаться, что это игра слов или совпадение, но объемная пирамида должна вызвать у нас ассоциацию с пирамидами в Египте: у Великой пирамиды ***квадратное основание*** и **четыре грани**, представляющие собой ***равносторонние треугольники***! Все ее стороны, как треугольников, так и квадрата, имеют одинаковую длину – 231 метр!

Принято считать, что понятие «пирамида» – это геометрический термин, описывающий многогранник, нижняя грань которого, называемая основанием, может быть произвольным многоугольником, а остальные (боковые) грани — треугольниками, имеющими общую вершину. Однако семантический смысл этого слова не имеет отношения ни к геометрии, ни к каким-либо объемным фигурам или формам вообще. Термин происходит от греческого «pyramidos» («pyra» - огонь, свет и «midos» - путь), что значит «путь света». Выходит, что изначально «пирамидой» называли не горообразные формы, а идеологию, концепцию устройства общества. И гигантские строения Египта, которые мы называем сегодня «пирамидами», являются монументами, воздвигнутыми в честь создания новой цивилизации. Своей архитектурной формой они символизируют описанный ранее принцип. Платон указывает, что пирамида была началом человечества, “семенем огня”, т.е. общества с элементарной иерархией. И человечество, как живой космос, начало свой путь идя по Пути Света. Эта концепция подразумевает коллективистский принцип построения общества, когда люди организованы, социально равны, едины, подчиняются единому закону и трудятся на благо общины, а не ради личной выгоды или богатства.

Таким образом, нижняя квадратная грань Великой пирамиды символизирует сельское хозяйство, как основу цивилизации, на которой зиждутся все четыре рода. Четыре треугольные грани – это четыре начальных иерархически *организованных* рода человечества (землепашцев и скотоводов, ремесленников, защитников и тех, кто занимался товарным обменом), а равность сторон – единство, равенство и коллективизм. И если человечество примет эти принципы, то оно последует Путем Света, как это было первые несколько тысяч лет, пока не появились первые государства и торговцы, накопившие богатство.

Заговорив о равноправии и единстве, Платон также коснулся темы социального расслоения и неравноправия при противоположных условиях. Последнее приводит к общественной нестабильности и рождению различных его движений за права трудящихся:

> «*Что касается движения и покоя, точнее, того, как и при каких условиях они возникают, то, не придя здесь к согласию, мы встретим в дальнейшем нашем рассуждении немало помех. Кое-какие замечания тут уже были сделаны, но сейчас нам необходимо добавить к сказанному вот что: внутри того, что однородно, движения быть не может. Ведь трудно, вернее сказать, невозможно представить себе движимое без движущего или, напротив, движущее без движимого, а движение немыслимо без того и другого; между тем никак нельзя движущему и движимому быть однородным. Итак, раз и навсегда отнесем покой к однородному, а движение – к тому, что совсем неоднородно.* ***Причина же отклонений – это неравенство****; а как родилось это неравенство, мы уже описали*» [Тимей. 57е-58а].

Душа

Однако вернемся к космосу, потому что еще не рассмотрели одну его важную составляющую часть.

> «*Как было упомянуто вначале, все вещи (доисторические дикари – авт.) являли состояние полной неупорядоченности, и только бог привел каждую из них к согласию с самой собою и со всеми другими вещами во всех отношениях, в каких*

только они могли быть причастны соотносительности и соразмерности. Ведь доселе в них не было ничего подобного, разве что по какому-нибудь случайному совпадению. И вовсе не к чему было применить те имена (фермеры, ремесленники, воины и пр. – авт.), которыми мы ныне именуем огонь и воду, а равно и прочие вещи; бог впервые все это упорядочил, а затем составил из этого ***нашу Вселенную – единое живое существо****, заключающее в себе все остальные живые существа, как смертные (не благие общества/государства – авт.), так и бессмертные (благие общества/государства – авт.)*» [Тимей. 69b-c].

Платон охарактеризовал человечество как живое существо, а все живые существа, как известно, обладают душой. Что же такое душа? Ее физическая сущность неизвестна, но это то, что качественно отличает одного человека от другого и определяет поступки индивидуума. По сути, душа – это набор неких взглядов на окружающий мир и поведенческих рефлексов на личностные и социальные «раздражители». Можно сказать, душа – это свод личностных правил, управляющих поведением отдельно взятого человека.

В таком случае, что такое душа в контексте большой группы людей, например, общины? Это просто свод законов и правил, регулирующих жизнь как всей группы, так и отношений между ее членами. В отличие от дикарского существования, все цивилизованное общество подчиняется главным и незыблемым законам без исключений:

«*В его центре (в центре космоса – авт.) построявший дал место душе, откуда распространил ее по всему протяжению и в придачу облек ею тело извне. Так он создал небо, кругообразное и вращающееся, одно-единственное, но благодаря своему совершенству способное пребывать в общении с самим собою, не нуждающееся ни в ком другом и довольствующееся познанием самого себя и содружеством с самим собой. Предоставив космосу все эти преимущества, [демиург] дал ему жизнь блаженного бога*» [Тимей. 34b].

Из того факта, что атланты (демиург) дали дикарям законы цивилизованного общества, по которым сами же и жили, следует, что законы эти существовали за долго до рождения человечества:

«*Если мы в этом нашем рассуждении только позднее попытаемся перейти к душе, то это отнюдь не означает, будто и бог построил ее после, ведь при сопряжении их он не дал бы младшему главенства над старшим. <…> бог сотворил душу первенствующей и старейшей по своему рождению и совершенству, как госпожу и повелительницу тела…*» [Тимей. 34c]

Закон устанавливает порядок подчинения, то есть организовывает иерархию (треугольник) в трудовых группах: начальник (старший), подчиненные (младшие). Такие организованные группы людей (коллективы) Платон обозначил понятием «тело».

Три сущности души

Однако даже там, где люди добровольно собираются в группы для совместного решения каких-либо задач, мнения по некоторым вопросам могут разделяться. В таких случаях проводят голосование и меньшинство осознано подчиняется мнению большинства. Этот принцип Платон описал при помощи трех сущностей:

«*составил он ее (душу/закон – авт.) вот из каких частей и вот каким образом: из той* ***сущности, которая неделима и вечно тождественна*** *(мнение коллектива/большинства – авт.), и той, которая* ***претерпевает разделение в телах*** *(мнение индивидуума – авт.), он создал* ***путем смешения третий, средний вид сущности*** *(закон подчинения меньшинства большинству – авт.), причастный природе тождественного и природе иного, и подобным же образом поставил его между тем, что неделимо, и тем, что претерпевает разделение в телах. Затем, взяв эти три, он слил их все в единую идею,* ***силой принудив не поддающуюся смешению природу иного*** *к сопряжению* ***с тождественным*** *(меньшинство подчиняется большинству – авт.)*» [Тимей. 34c-35b].

Вообще, трудно представить, как 12,000 лет тому назад атланты смогли собрать вместе, организовать и заставить подчиняться невиданным законам хотя и мыслящих, но свободных, диких, разрозненных и, по большей части соперничавших друг с другом, дикарей. Как они смогли заставить или уговорить вечно свободных (вплоть до каннибализма) существ добровольно пойти на ограничение собственной свободы? И этот процесс происходил почти на всех континентах планеты.

Группы дикарей вряд ли смогли долго существовать, основываясь лишь на голых законах. Им была необходима целевая материальная основа, ради чего они оставались бы вместе. Такой основой стало производство пищи:

«*Но боги (демиурги – авт.) пришли ему на помощь: они произрастили некую природу, родственную человеческой, но составленную из иных видов и ощущений и потому являющую собой иной род существ; это были те самые деревья, травы и вообще растения, которые ныне облагорожены трудами земледельцев и служат нашей пользе, но изначально существовали только в виде диких пород, более древних, чем ухоженные <…> Итак, все эти породы растительного царства произрастили они, мощные, нам, менее сильным, для пропитания.*» [Тимей. 77a-c].

Могли ли люди, жившие до нашей эры, во времена, когда науки еще находились в зачаточном состоянии, а некоторых (например, генетики, палеонтологии или понятия о селекции) вообще не существовало, знать, что злаковые и садовые растения были созданы искусственно, а не существовали всегда? Ведь знание о происхождении видов было открыто лишь в 19 веке Чарльзом Дарвином, и только оно помогло развить науку о селекции. Более того, Платон знал, что демиург создал не только растения, но и одомашненных животных:

«*Итак, во всем вплоть до возникновения времени [космос] имел сходство с тем, что отображал, кроме одного: он еще не содержал в себе всех живых существ, которым должно было в нем возникнуть, и этим являл несоответствие вечносущей природе. Но и это недостававшее бог решил восполнить, чеканя его соответственно природе первообраза. Сколько и каких видов усматривает ум в живом как оно есть, столько же и таких же он счел нужным осуществить в космосе. Всего же их четыре: из них первый – небесный род богов (трудовые коллективы – авт.), второй – пернатый, плывущий по воздуху род (одомашненная птица – авт.), третий – водный (прудовые рыбы? – авт.), четвертый – пеший и сухопутный род (одомашненные копытные и парнокопытные – авт.). Идею*

божественного рода бог в большей части образовал из огня (доисторические охотники – авт.)...» [Тимей. 39e-40a].

Доисторическим охотникам-собирателям не было необходимости следить за сезонами или вести счет времени. Они видели изменения в природе, но их внимание было занято лишь охотой и поиском съедобных фруктов, корней, ягод, орехов и пр. Собрав плоды на одной территории, он переходили на другую. Только с появлением сельского хозяйства у новорожденных фермеров появилась необходимость следить за сезонами и вести счет времени, то есть в сознании землян возникло понятие времени:

«*Ведь не было ни дней, ни ночей, ни месяцев, ни годов, пока не было рождено небо, но он уготовил для них возникновение лишь тогда, когда небо было устроено. <...> Итак, время возникло вместе с небом, дабы, одновременно рожденные, они и распались бы одновременно, если наступит для них распад*» [Тимей. 37e, 38b].

Если цивилизация погибнет, то и счет времени будет вести некому, а потому оно исчезнет. Останутся лишь природные и космические циклы.

Дав дикарям закон в устном виде (Слово) (письменности у охотников-собирателей тогда не было), одомашненные растения и животных и приобщив их к труду, обеспечившему их достаточным пропитанием, демиург создал Человечество, состоящее из коллективистских общин, – «*изваяние вечных богов*» [Тимей. 37c], а его «*душа, простертая от центра до пределов неба и окутывающая небо по кругу извне, сама в себе вращаясь, вступила в божественное начало непреходящей и разумной жизни на все времена*» [Тимей. 36e].

Храм, крест и Семь Управителей

Но Платон не удовлетворился описанием общих принципов коллективизма и начал производить непонятные манипуляции с душой-законом человечества (Тимей. 35b-36b). В результате у него вышла фигура, изображающая храм (Рисунок 1).

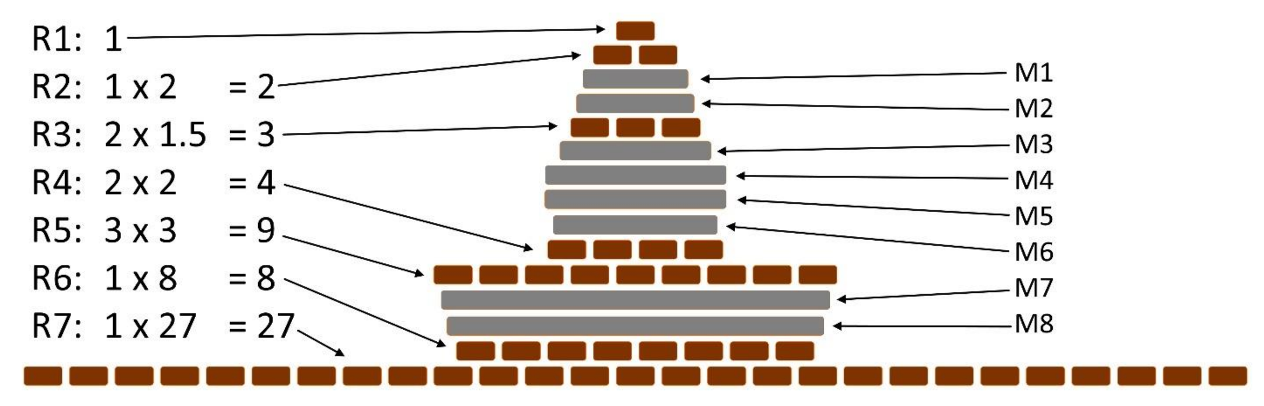

Рисунок 1. Храм. R – ряды с длиной, выраженной числовым значением; M – заполняющие ряды с относительной длиной.

Таким образом, Платон, следуя знанию атлантов, пытается донести до нас мысль, что храм – это не здание для отправления религиозных обрядов. Храм — это благое общество, построенное на принципах коллективизма: единства, равенства, дружбы и любви.

Продолжая манипулировать этой нематериальной сущностью, Платон создает изображение креста:

«*Затем, рассекши весь образовавшийся состав по длине на две части, он сложил обе части* ***крест-накрест наподобие буквы X***» [Тимей. 36b].

Таким вот затейливым способом Платон дал толкование наиболее распространенному знаку-символу в нашем мире – кресту: крест символизирует союз (слияние) коллективного (тождественное) и личного (иное) мнений.

Далее он плавно переходит к другому интересному и загадочному «изотерическому» символу, к семерке. Античный философ взял две перекладины креста и

«*согнул каждую из них в круг, заставив концы сойтись в точке, противоположной точке их пересечения. После этого он принудил их единообразно и в одном и том же место двигаться по кругу, причем сделал один из кругов внешним, а другой – внутренним. Внешнее вращение он нарек природой тождественного, а внутреннее – природой иного. Круг тождественного он заставил вращаться слева направо, вдоль стороны [прямоугольника], а круг иного – справа налево, вдоль диагонали [того же прямоугольника], но перевес он даровал движению тождественного и подобного, ибо оставил его единым и неделимым, в то время как внутреннее движение шестикратно разделил на семь неравных кругов, сохраняя число двойных и тройных промежутков, а тех и других было по три*» [Тимей. 36b-d].

Поскольку речь идет о законе-душе, то логично предположить, что эти круги также относятся к законам. При этом большой круг символизирует принцип коллективного единства, а малые – внутриобщинные принципы, законы и требования, но ни одно из них он не описывает. Платон описывает процесс создания цивилизованного общества из полудиких существ. И одной из важных составляющих этого процесса являлось формирование нового мировоззрения у этих дикарей. Этот обучающий и воспитательный процесс актуален и сегодня. Таким образом, семь кругов – это семь основных требований, регулирующих поведение индивидуума в общине. Гермес Трисмегист учил, что дикарю, чтобы стать частью трудящейся общины, требовалось пройти

«*через строение кругов, оставляя в первом из них способность расти и уменьшаться*[2]*; во втором – лишается своей силы источник злобы и коварства; в третьем – обессиливается наваждение похоти; в четвертом – тщеславие власти; в пятом – безбожное высокомерие и дерзость; в шестом исчезает привязанность к богатству; в седьмом – лукавая ложь*» [Герметический корпус. Гл. I, #25].

Эти семь требований именуются Семью Правителями. Таким образом, эти семь правил регулировали поведение индивидуума в общине, заставляя его заботиться в первую очередь о членах общины и об общине в целом, и лишь во вторую – о себе.

Конец Рая

В результате титанического труда – организации и воспитания всех дикарей планеты – появилась молодая человеческая цивилизация. Она была еще недостаточно развита – в

---

[2] Не нарушать единства коллектива – не уходить из общины из-за несогласия мнений и не образовывать новую, в которой мнение бывшего меньшинства становилось бы превалирующим.

ней еще не было городов, государств, империй, социальных слоев и сложных производств. Но в ней уже обитали истинные боги – общины, в которых люди жили и трудились ради друг друга и на благо своего общества.

Человеческое население Земли начало умножаться. Количество поселений и трудовых общин также возросло. Возросшие потребности в орудиях труда и предметах быта привели к разделению труда. Взаимоотношения в новорожденном обществе начали усложняться и повлекли рождение новых законов. Законы развития требуют приспособления к новым условиям, поэтому городам, государствам и империям суждено было появиться:

> «*Доселе еще пребывают нерожденными три смертных рода (города, государства, империи – авт.), а покуда они не возникли, небо (человечество, общество – авт.) не получит полного завершения: ведь оно не будет содержать в себе все роды живых существ, а это для него необходимо, дабы оказаться достаточно завершенным.*
>
> *Однако, если эти существа возникнут и получат жизнь от меня (развитого народа Атлантиды – авт.), они будут равны богам. Итак, чтобы они были смертными, и Вселенная воистину стала бы Всем, обратитесь в соответствии с вашей природой (полудикарей – авт.) к образованию живых существ,* ***подражая моему могуществу****, через которое совершилось ваше собственное возникновение*» [Тимей. 41b-c].
>
> «*После этого <…> он передоверил новым богам изваять смертные тела и притом еще добавить то, чего недоставало человеческой душе (новые законы – авт.), а после, приготовив все к этому относящееся, осуществлять правление и возможно лучше и совершеннее вести смертное существо, чтобы оно не стало само для себя причиной зол*» [Тимей. 42d-e].

Цивилизация начала жить и развиваться. При этом люди нарушали данные ей законы благой и вечной жизни, обособляя земледельцев, ремесленников, защитников и торговцев в новые «тела» – государства. Государства же начали воевать друг с другом либо присоединяя, либо теряя территории и население:

> «*Между тем его дети, уразумев приказ отца, принялись его исполнять: они взяли бессмертное начало смертного существа, а затем, подражая своему демиургу, заняли у космоса частицы огня и земли, а также воды и воздуха, обещав впоследствии вернуть их.*
>
> *Эти частицы они принялись скреплять воедино, однако не теми нерушимыми скрепами, которыми были соединены их тела, но частыми и по малости своей неприметными и таким образом сообщали каждому собранному телу целостность и единство; а круговращения бессмертной души они сопрягли с притоком и убылью в тело (разделение на государства – авт.)*» [Тимей. 42e-43a].

Принцип Общего Единства был нарушен и стал частной характеристикой каждого «тела». Новые законы, предоставлявшие различным родам общества неравноправные права, формировали различные общественные порядки. Неравноправие и несправедливость создали социальные и политические движения и трениям внутри государств:

> «*И вот эти круговращения, вовлеченные в мощный поток, не могли ни до конца одолеть его, ни до конца ему уступить, по временами насильственно сообщали ему*

свое направление, а временами получали направление от него. Поэтому все это существо было подвижно, однако устремлялось куда придется, беспорядочно и безрассудно; <…> оно продвигалось в шести направлениях и на все лады блуждало.

Если уже поток пищи, переполнявший тело и затем снова из него уходивший, был достаточно мощен, то еще более мощную смуту вызывали внешние воздействия, когда, например, чье-нибудь тело натыкалось на чужой, поджидавший его извне огонь, или на твердость земли, или на влажную зыбкость воды, или было охвачено воздушными волнениями ветров» [Тимей. 43a-b].

Более того, общество отказалось от принципов коллективизма и равенства, а поставило во главу дикарские инстинкты наживы и частного капитала, создав социальное неравенство. Семь основополагающих принципов Гермеса, которые создали человечество, были нарушены:

«*Движение тождественного они вконец сковали, изливаясь ему навстречу и мешая как его правлению, так и продолжению, а бег иного расстроили до такой степени, что три двойных и три тройных промежутка, а также связующие члены (три вторых, четыре третьих и девять восьмых), которые не могут быть до конца разрушены никем, кроме того, кто их сопряг, все же пошли вкривь и вкось, всемерно нарушая круговое движение; они, все еще с трудом, неслись вместе, но движение это было беспорядочным: они то сталкивались, то двигались наискосок, то опрокидывались*» [Тимей. 43d-e].

В конце концов, весь изначальный благой порядок был поставлен с ног на голову, хорошее стало считаться плохим, плохое – хорошим; историю рождения цивилизации начали искажать и скрывать, а также придумывать новые несправедливые законы:

«*В последнем случае дело обстояло так, как если бы некто уперся головой в землю, а ноги вытянул вверх, прислонив их к чему-то; в таком положении и ему самому, и всем тем, кто на него смотрит, все померещится перевернутым: правое станет левым, а левое – правым. Таким же и подобным состояниям очень сильно подвержены круговращения души: когда же вовне они встречаются с родом тождественного или иного, они всякий раз изрекают как о тождественном чему-либо, так и об отличном от чего-то такое суждение, которое противоположно истине, и выказывают себя лживыми и неразумными; при этом ни одно из круговращений не в силах властвовать и править: когда несущиеся ощущения извне овладевают кругами, вовлекая в это движение и все вместилище души, круги лишь по видимости господствуют, на деле же подчиняются*» [Тимей. 43e-44a].

Так был потерян рай, который был задуман как благо для всех людей. Но в человеке возобладали животные инстинкты удовлетворения личных потребностей, и все разрушили.

Заключение

Платон предоставил нам довольно неожиданную и детальную информацию об участии демиурга Атлантиды в рождении человечества, об принципах построения благого общества, о первых законах первых общин, о воспитании дикарей. Однако вдумчивый читатель обязательно задастся вопросом: «Если Платон был так хорошо осведомлен о делах Атлантиды, то он должен был точно знать где она находилась. Почему он не указал этого

места?» Платон действительно знал откуда пришел демиург Атлантиды и сказал об этом, но не в «Тимее», а в «Государстве». А найти Атлантиду на Земле невозможно по одной простой причине:

> «*Главкон. Понимаю: ты говоришь о государстве, устройство которого мы только что разобрали, то есть о том, которое находится лишь в области рассуждений,* ***потому что на земле, я думаю, его нигде нет***.
>
> *Сократ.* ***Но быть может, есть на небе его образец, доступный каждому желающему****: глядя на него, человек задумается над тем, как бы это устроить самого себя. А есть ли такое государство на земле и будет ли оно – это совсем неважно. Человек этот занялся бы делами такого – и только такого – государства*» [Государство. Книга IX. 592a-b].